

Столь мерзокъ твой законъ, колико нравъ твой
лютъ.

Чпу чудищемъ, ково тираны Богомъ чтущъ.
Ахъ! нынѣ я зову, не гнуснаго кумира
Что щещну воспрималъ онъ здѣшняго честь
міра

Котораго соборъ заблуждшихъ обожилъ,
Кой общему намъ съ нимъ паденью попустилъ;
Не Бога варварска противу насъ возставша,
И насъ разить тебѣ въ пособье громъ свой
давши;

Но къ Богу истинну, спремлюся вопіашъ,
Поспигнувъ коего, не смѣю описатьъ,
Съ которымъ праведникъ, сколь въ жизни онъ
ни спраждетъ,
Знавъ твердо что онъ есть, соединиться
жаждетъ.

Сей, спрашный судія шому, кѣмъ огорченъ,
Ктобъ ни былъ онъ таковъ, я буду имъ
опмщенъ.

А ты, о Боже! всѣхъ существъ кой превозходишь
И связію временъ и жребьевъ руководишь,
Кой равнымъ окомъ зришь на разны бытія,
Разсѣяны по двумъ краямъ земли всея;
Уже ли для того ископаны шобою,
Непроходимыя предъ сей моря страню,
Дабы разбойники, пылаючи алчбой,
Преграды свергнули устроены шобой.
Внемли хощя мой спонъ, внемли хощъ вопль
мой слезный;

Мети за себя, за насъ: блистаючи пусть
бездны